

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
Институт истории им. А. Дониша

ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ
НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ
(Сборник статей)

Ответственный редактор
А. К. Писарчик

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДОНИШ"
ДУШАНБЕ - 1981

СВАДЕБНОЕ ТОРЖЕСТВО У ТАДЖИКОВ ФАЙЗАБАДА¹

Свадьба таджиков в целом изучена хорошо. Помимо ряда статей ей посвящена большая монография Н.А.Кислякова, в которой автор на основании личных наблюдений и литературных данных дает развернутое описание и анализ свадебной обрядности равнинных и горных таджиков.² Он отмечает в ней два основных этапа — по ольвку и бракосочетание.

В имеющихся публикациях содержится подробное описание свадебной обрядности таджиков многих районов республики, однако по некоторым из них достаточно подробных данных нет. К таким районам относится и Файзабад, расположенный на стыке таких крупных историко-географических районов, как Каратегин, Гиссар, Куляб и Нурекская группа кишлаков. Настоящая статья имеет целью восполнить этот пробел и проиллюстрировать на Файзабадском материале основные положения Н.А.Кислякова. Мы рассмотрим здесь только вторую часть свадебного цикла — связанную с брачным обрядом и переездом молодой в дом мужа.

Торжество по поводу бракосочетания в Файзабаде называется туй калон, арусбарӣ, шави иҷоб. Оно считается основным, кульминационным моментом свадьбы. Начало празднества происходит в доме невесты и в доме жениха отдельно.

В доме невесты в канун свадьбы устраивается девичник — давраи духтарон.³ Я наблюдала проведение его летом 1969 г. в к.Элок. Присутствовали на нем в основном девушки — подружки невесты. Они пели шуточные песни, исполняли шуточные танцы, например, танец девушки с юношей, которого изображала одна из девушек, нарядившаяся в мужскую одежду. С ними вместе веселилась невеста. Она также танцевала, играла на бубне — дойра, вместе со своей сестрой пела песню "Зиёда мегум". Однако когда во время исполнения песни невестой в комнату вошла ее мать, она запретила ей петь, сказав, что невесте не следует слишком веселиться, так как, по старинной примете, если невеста на свадьбе очень весела, то наступающий год будет неудачным, будет дороговизна.⁴

На другой день после девичника, т.е. в день свадьбы, с утра невесте мыли голову, заплетали волосы по-девичьи в три косы — сечола и пришептали к косам подвески — чолбанд.⁵ Только спустя несколько дней после переезда в дом мужа молодая заплетала две косы — дучола, т.е. переходила на женскую прическу. До совершения брачного обряда — никоҳ, невеста никакого специального наряда не надевает, одета в обычное чистое платье. Специальный свадебный костюм надевается уже после никоҳа, перед отъездом в дом мужа.⁶

На свадебное пиршество в доме невесты приглашают всех без исклю-

чения односельчан — мужчин, женщин и всех детей, сколько бы их ни было.⁷ Из чужих селений приглашают только родственников, но они уже не берут с собой всех детей, а только младших. До приезда жениха собравшиеся веселятся, танцуют — женщины одной группой, мужчины — другой. Хотя в Файзабаде женского затворничества не было, все же на свадебном торжестве они по традиции рассаживаются отдельно. Если места много, то все садятся двумя группами в одном дворе, если тесно, мужчины располагаются на крыше или в соседнем дворе. Тут же вертятся и детишки, пристраивающиеся около своих отцов, дедов и т.п. Если детей очень много, для них расстилается специальный дастархан.

По словам Аскарамо Шарифовой из к.Файзабад, около 67 лет (запись 1976 г.), на ее свадьбе в 1925 г. специальный девичник не устраивали. Но на свадебном туге — туи калон, на котором гости (мужчины и женщины) распределялись группами по возрасту, выделялось отдельное помещение для девушек-подружек невесты, с которыми веселилась и она сама. Аскарамо выразила неодобрение тому, что в настоящее время "все перемешалось" — женщины различных возрастов и девушки сидят на свадьбе все вместе, что раньше считалось недопустимым.

Каждой группе выделялись для угощения продукты, так называемые канарра, из состава группы выделялся повар или повариха, который и приготавливал кушанье.

Приглашенные на свадьбу несут с собой подарки — лаъли, туёна: насыпают на большой поднос — лаъли конфеты, печенье, сахар, затем накладывают сдобные мелкие лепешки — кулча, специально выпекаемые для свадьбы очень маленькими (сейчас их часто заменяют покупными лепешками и булочками), а поверх всего кладут даримый отрез на платье. Все это заворачивается в скатерть — дастархон. Близкие родственники жениха — дяди, братья, сестры дарят скот — чорво: коз, баранов, — иногда быка.

В день свадьбы в доме невесты передний угол парадной комнаты отделяется свадебной занавеской — чодар, за которой перед совершением брачного обряда, еще в обычном платье сидит невеста со своими подружками. Сюда к ней к началу совершения брачного обряда приходят свидетели — гувоҳдурсон узнать, кого она уполномочивает быть ее доверенным лицом — вакил, и дать от ее имени согласие на брак. Раньше чодар для невесты шили из полосатой хлопчато-бумажной материи алоча-карбос, в богатых семьях — из шелка. Теперь чодар обычно делается из шести метров шелка и двух метров белого мадаполама — сони сафед, который пришивается с двух сторон к шелку как магическое средство, чтобы жизнь молодых складывалась счастливо, была светлой (бахтыш сьфед шава)^х. Сверху с обеих сторон чодара нашивают кисточки — пупак, сделанные из бисера. Прикреплять чодар должна женщина здоровая, многодетная, прожившая всю жизнь в одном браке, т.е. бывшая за свадебной занавеской только раз — зани якникоҳаи таги як чодарро дидағи. Ей дают за это отрез на платье.

^х По техническим причинам характерный для Файзабадского говора гласный смешанного или заднего ряда среднего подъема обозначается в текстах русской буквой "ы".

Когда после окончания всех свадебных церемоний происходит обряд снятия чодара — чодарканон, то белый материал от чодара раздают, разрезав на кусочки, всем присутствующим женщинам.

В доме жениха с утра в день свадьбы собираются все его друзья (друзки) — чурадомод и начинается подготовка к отъезду за невестой. Кроме друзей жениха приглашают только самых близких родственников — мужчин и женщин; дети, конечно, прибегают сами — посмотреть один из самых интересных обрядов в доме жениха — бритье головы — сартарошон. Совершает это действие обычно специально приглашенный ширюльник — сартарош.

По мнению пожилых информаторов, обряд бритья головы был раньше связан с мусульманством: по шариату совершать брачный обряд, если у жениха волосы были "длиннее зерна ячменя", считалось запретным — харом. В настоящее время, когда молодые мужчины чаще всего не бреют голову, а в соответствии с модой отпускают волосы, бритье головы жениха производится чисто символически. Этот обряд сохраняется и сейчас, с одной стороны, потому, что это один из самых веселых свадебных обрядов, с традиционной песней "Устой ланги сартарош, сара покиза тарош. — Хромой мастер-ширюльник, чисто брей голову", — которую все знают и хором поют припев, с другой же — частично из суеверия — эрим, чтобы никакой из тра-

диционных обрядов не был опущен, и это не отразилось бы плохо на жизни молодых.⁸ После окончания обряда сартарошон родственники и друзья осыпают жениха монетами, сладостями, зимой — и сухими фруктами. Все это дети и даже взрослые подбирают "на счастье". Такое осыпание кого-либо с магической целью — чтобы жизнь была богатой, сладкой и пр. — называется чошак, чочуқи и применяется в отношении молодых во время свадебного обряда неоднократно. Затем жениха одевают, что тоже сопровождается песнями и весельем. Когда все выполнено, жених с дружкой отправляется за невестой.

В 1971 г. церемония отправления за невестой в к. Джойникуйди проходила следующим образом. Заранее женщины-родственницы приготовили 4 дастархана, называемые лаъли, или дастархони шаҳ — царский (жениховский) дастархан. При этом на один поднос были положены обычные лепешки и небольшие слоеные лепешечки — кулчаю орзук, на второй — вареные яйца и сладости — конфеты и сахар, на третий — жареные слоеные лепешки — кала-ма. Четвертого дастархана не сделали, вместо него была подарена живая коза. Сверху на дастарханы положили по кусочку ваты (иногда кладут кусочки марли или какого-либо белого материала) — якобы для обеспечения светлого счастья. Шесть женщин из близких родственниц жениха, называемые кайвона, или янга, взяв с собой приготовленные дастарханы, на машине отправились заранее в дом невесты. Позже поехал туда и жених со своими дружкой. Машина была украшена с обеих сторон кусочками белого и красного материала — ньмомлыки сурку сьфед.⁹

Перед отъездом жениха один из почтенных стариков прочитал молитву — фотиҳа о благополучной и счастливой жизни молодых. Соседи осыпали отъезжающих сладостями.

Как обычно, в пути участники свадебного поезда пели песни, восхва-

ляющие жениха. Основной текст исполняют один-два запевалы саровоз, припев исполняется хором. Начинается пение с припева, повторяемого потом после каждой строчки текста. Например:

Шоҳам дар минбарай

Болои тахти зарай.

Запев: Тоқии шаҳра гирен,

Аз оби тилло тарай.

Припев:

Саллаи шаҳра гирен,

Бо оби тилло тарай.

Припев. И т.д.

Шах (князь) сидит на возвышении,

На золотом троне.

Возьмите тубетейку жениха —

Она мокрая от жидкого золота.

Возьмите чалму жениха —

Она обмакнута в золото.

Если жених из своего селения, то при приближении свадебного поезда к дому невесты женщины и дети осыпают приехавших сухими фруктами и орехами, а один из родственников невесты выходит им навстречу и говорит: "Марҳамат ба ҷои мо. — Добро пожаловать к нам". Это называется шаҳчаҳд — приглашение жениха; так же называется и приглашающий. Гости благодарят и дарят шахджахду халат — чома или легкий летний халат — челлак и входят в дом.

Вьшедший навстречу поезду жениха дядя или брат невесты дает иногда козла для козлодранья. Это должен быть самец — така, серка. Раньше случалось, что на богатых свадьбах вместо козла давали теленка, и тогда игра называлась гоукашак. В козлодраньи принимают участие все приехавшие с женихом дружки. Победителю дают барана, остальным участникам — платки, халаты из алачи и т.п.

Раньше жених не сходил с коня до тех пор, пока у его ног не залют козла. Он брал его, и трижды покрутив вокруг головы, бросал в середину собравшихся полукругом дружек — и начиналось козлодранье — бузкаши,¹⁰ которое в данном случае, устроенное в честь жениха, называлось шаҳтоз. Если не было лошадей и козлодранье проводилось на ослах, оно называлось хартоз, пешее — гойгаҳ.

Раньше в доме невесты до приезда жениха и гостей приготавливали место для их лошадей и заготавливали для них ячмень. Это называлось чаваспа.

Иначе проходила церемония приезда гостей и увоза невесты, если жених был не из своего селения, а из чужого. В таком случае поезд жениха, когда он приезжал за невестой, молодежь встречала враждебно. Приехавшим приходилось испытать немало всяких неприятностей. С ними вступали в борьбу, бросали в них камни, песок, прокалывали шины машины, на которой они приехали. Порой эти, сохранившиеся теперь уже в виде пережитка, проявления враждебности принимали довольно острый характер. По рассказу Раджаба Юсупова из совхоза "Файзабад", которому во время наших с ним бесед было около 70 лет, как-то, когда он в молодости ездил в качестве дружки жениха за невестой в чужой кишлак в своем же районе, молодежь в кишлаке невесты встретила их с камнями и палками (Ба таги сангу хода мондем).

Дружки окружили жениха и еле добрались до помещения қушхона, где для

них было приготовлено место. Шуточная борьба, доходившая до серьезных стычек и даже драки между представителями стороны жениха и невесты, продолжалась и в помещении, в котором происходило свадебное пиршество, особенно во время танцев — базм. Танцующих друзей жениха дразнили, ос-

корбляли неприличными словами. Особую остроту приобретали эти стычки, если у невесты был поклонник в своем кишлаке. Он и его друзья отрезали хвост у лошади уезжающей невесты и особенно жениха, что считалось оскорблением, бросали вслед отъезжающим камни, палки, комки земли и грязи.

В этих пережитках сохранились следы бытовавшего в очень отдаленном прошлом брака умыканием девушек.¹¹

Однако такая крайняя форма пережитков вражды стороны невесты к стороне жениха из чужого селения в наши дни встречается очень редко. Обычно стороны встречаются мирно, приехавших встречают приветливо и гостеприимно.

В старину, когда функционировали кишлачные мечети, жениха и его друзей принимали в ней, разжигали большой огонь и пировали до утра. В наши дни приехавшие заходят во двор, где разжигают огонь — миёнаалов, иногда в костер бросают хлопковый жмых, тогда он горит особенно долго и ярко и называется кунфараалов.

Вокруг костра устраивают базм — танцуют, поют. Запевает обычно 4-6 человек, припев подхватывают все присутствующие.

Раньше точное время совершения брачного обряда обычно не устанавливалось, его старались скрыть и совершить обряд тайно — хилватй из опасения, чтобы зложелатели жениха и невесты не повредили им. Считалось что причинить вред можно рядом магических действий, производимых в момент чтения свадебной молитвы — хутбай никох. Из таких "мер" нами записаны следующие. Брала черную калашу любого из присутствовавших и тайно переворачивали ее подошвой кверху — чаппа мемонданд, либо завязывали узелок на уголке какого-нибудь платка или тряпки, либо несколько раз откручивали ключом замок и в момент чтения хутбы запирали его, и закрытый замок бросали в реку или в колодец, либо перевязывали тряпчочкой ножку пойманного воробья, сделав узелок, и отпускали его на волю. По старым суеверным представлениям, все эти магические действия приводили к тому, что молодой терял способность к выполнению супружеских обязанностей.¹² Для противодействия всем этим враждебным проявлениям обращались к мупле, который прочитывал молитву и "развязывал" жениха — бандкушо мекард, затем брал в пиалу воду и, снова прочитав молитву, дул на нее. Эту воду — оби бандкушо выпивали оба и жених и невеста, и, как считалось, она должна была исцелить их. Однако два последние описанные способа "развязывания" жениха — бросание в воду закрытого замка и завязывание узла на ножке воробья считались такими сильнодействующими, что отворотить их действие считалось невозможным.

В прежнее время, если невеста была девушкой, то обряд бракосочетания совершался рано утром, перед восходом солнца, а после восхода солнца ее перевозили в дом мужа. Если же выходила замуж вдова, то брачный обряд совершался ночью, и в дом мужа ее должны были увезти до рассвета. Считалось, что если увезти вдову в дом нового мужа днем, то

это принесет несчастье, тяжесть — вазбийн мегалта.¹³

В настоящее время все вступающие в брак регистрируются в местном загсе. Однако до сих пор помимо этого большая часть семей совершает и брачный обряд — никох. Делают это даже люди неверующие, имеющие высшее образование, нередко только для того, чтобы не обидеть старших, для которых это имеет большое значение.

Для совершения брачного обряда приглашают известного местного муллу. Его усаживают на почетном месте в "верхней" части комнаты — пешгахи хона, с правой стороны от него садится дядя невесты и ее доверенный — вакил, с левой — свидетели — гувох. Перед муллой ставят чашку с водой — оби никох,¹⁴ сверху кладут две лепешки, и все покрывают куском белой ткани. Жених с друзьями становится у порога комнаты, а один из дружков или сестра жениха прошивают его халат белой ниткой без узла. Это делается для того, чтобы никто не "завязал" жениха.¹⁵

Обычно невеста при совершении брачного обряда не присутствует, сидит в углу другой комнаты за занавеской чодар. Однако некоторые считают, что по шариату обряд никох должен совершаться в присутствии самой невесты, чтобы все, так же как и мулла, могли слышать ее согласие.

Как и всюду, девушка долго не дает согласия на выбор своего уполномоченного, что должно обозначать ее согласие на брак. Окружающие женщины уговаривают ее согласиться. Мать или кто-либо из старших родственников говорят: "Хадаха гу, балам, хава авр кард, борон гирифт. — Поторопись, доченька, отвечай, погода испортилась, пошел дождь",¹⁶ а подружки шепчут: "Хап шин! — Молчи". Иногда эти переговоры тянутся 2-3 часа. Услыжав, наконец, кого назначила своим вакилем девушка, все говорят с одобрением: "Ха, баракалло! — Молодец, доченька", — и родственницы невесты раздают всем по платочку ньмолак из цветного материала.

В настоящее время обряд бракосочетания иногда превращается в шутку, особенно, если выбранный вакил молод. Например, в к.Элок, когда мулла спросил такого вакиля, отдаст ли он девушку за этого юношу, он молчал. Мулла спрашивал несколько раз, но все без результата. Тогда вакилю дали 100 руб., но он опять молчал, а затем попросил еще 10 руб., якобы очень необходимых ему для починки часов. Все присутствующие громко хохотали. Долго еще уговаривали вакиля, но в конце концов пришлось добавить ему просимые 10 руб.

После прочтения хутбы воду, стоящую перед муллой, дают выпить жениху и его друзьям, потом чашку передают невесте и после одного ее глотка остаток воды разбрызгивают под брачной занавеской.¹⁷ По словам А.Шариповой, в начале двадцатых годов XX в. эту воду выпивали все присутствующие. Заставляли пить ее и девушек с пожеланием достичь брачного возраста, дожить до свадьбы. Про это говорили: "Ба мурод менушонад".

Вода должна была быть выпита до последней капли, а от лепешки раз откусывает молодой, а потом ее разрывают на части в борьбе — талошак

дружки жениха, чтобы и им дожить до женитьбы.

В к.Чукурак рассказывали, что во время совершения брачного обряда жениху давали подержать кольцо или браслет невесты, считая это знаком ее согласия на брак.

Старались не совершать брачный обряд между двумя праздниками — Рамазан и Курбан, так как, по поверью, в таком случае жизнь одного из супругов будет короткой.

После совершения брачного обряда и до отъезда молодой гости веселятся, поют пести и танцуют. В это время молодую готовят к переезду. Одна из родственниц невесты — сестра, тетка, бывшая замужем только раз — якникоҳа, надевает на нее сначала белое хлопчатобумажное платье — сони сыфед,¹⁸ ферганского — фаргонаги покроя, на кокетке (раньше шили покроя қазоқи — туникообразное, с прямым стоячим воротником), с вышитым подолом и концами рукавов — саростин, а сверху шелковое или панбархатное, нередко и парчовое.

Через некоторое время двое друзей жениха из близких его друзей берут его под руки и ведут в помещение, где сидит обряженная невеста. Это сопровождается также танцами, песнями, женщины и дети осыпают жениха сладостями, сухими фруктами, монетами.

Когда жених приближался к комнате невесты, одна из родственниц запирает дверь и требовала выкуп за "открытие двери" — дарқап, или дарбес. Жених давал ей отрез на платье или 10-15 руб., после чего его впускали.¹⁹ В наше время многие не одобряют этот старый обычай, считая, что держать запертой дверь, не впуская жениха — это грех, дело, не одобряемое ни шариатом, ни современными представлениями (на дар шариат равною на дар ҳозира). Поэтому в большинстве семей этого обычая теперь не придерживаются.

У порога двери расстилают куски цветного шелка или панбархата и кусок белой ткани. Это пояндоз, или потахт, который раньше делался из более дешевой бумажной алачи. Жених должен перешагнуть через порог правой ногой и наступить на пояндоз. В тот же момент вся молодежь и взрослые выхватывают из под ног жениха пояндоз и разрывают на куски. Каждый старается получить хоть небольшой кусочек, считая, что он принесет ему счастье. "Пояндоза бузқаш карданд — Устроили из пояндоза козлодранье", — говорится в народе. Чтобы затруднить разрывание пояндоза и продлить интересное и веселое зрелище, раньше ткань замачивали на сутки в соленой воде — намаков.

Войдя в комнату, жених держит голову опущенной и прикрывает рот платочком. Его ведут под чодар к невесте, осыпая по пути чочуком. Войдя под чодар, жених должен сразу же наступить невесте на правую ногу. Некоторые невесты при этом хитрят, ставят пустую калошу, а ногу прячут под курпачу. Жених наступает на пустую калошу, и эта шутка смешит всех присутствующих, а жених от стыда краснеет. Если жених сумел ловко наступить на ногу невесты, то считают, что он будет верховодить в семье.

Одна из родственниц невесты набирает на блюдо немного муки и сверху кладет лепешку с отверстием посредине, в которое втыкают далил — зажженную лучинку, сделанную из веточки фруктового дерева, смоченной в растительном масле. Этой лучинкой трижды обводят вокруг головы жениха и невесты, стоящих за чодаром, а потом оставляют там же. Родственницу, зажигавшую далил, называют далилдор. Янга со стороны жениха дарит ей за эту услугу платок или 3 руб.

Затем приносят зеркало — ойна, и жених и невеста смотрят друг на друга в зеркало (в прошлом они иногда только в это время видят друг друга впервые), чтобы жизнь была чистой и светлой как зеркало — ойна барин рушану тоза шавад.²⁰ В некоторых кишлаках Файзабада и Гиссара (Учкул, Тошбулок, Джиргинак, Алмоси и др.) после молодых в зеркало смотрятся и целуют его, прикладывают к глазам как святыню — зиёрат мекунанд все присутствующие. Женщине, которая держит перед молодыми зеркало, ойнадор дают несколько рублей.

Зеркалу у файзабадских, как и у других таджиков, приписываются особые свойства. Оно приносит свет, удачу. В Файзабаде в 1970 г. со слов 87-летней старухи была сделана следующая запись относительно зеркала. Каждое утро, встав ото сна, надо прежде всего взглянуть на свое лицо в зеркало. Это богоугодно — савоб. Считалось, что куда бы ни направился мусульманин, он должен иметь при себе зеркало, чтобы в случае его смерти на чужбине люди по зеркалу поняли бы его принадлежность к мусульманству и похоронили бы его соответствующим образом.

Другие файзабадские и гиссарские информаторы подтвердили и дополнили это сообщение. Смотрение на себя в зеркало с утра обеспечивает на весь день удачу и благополучие. Зеркало, взятое с собой в путешествие, должно обеспечить благополучное путешествие и возвращение из него. Зафиксирован также ряд запретов, связанных с зеркалом. Во время совершения намаза зеркало следует повернуть к стене или закрыть чем-либо. Если в зеркале отражается изображение человека, то совершать намаз ему нельзя — равонест. Нельзя смотреться в зеркало ночью.²¹ Тот, кто это делает, не попадет в рай — руй чанната намебинад. Есть поверье, что это лишает человека хлеба насущного (шаб дар ойна нигаранд ризқ кам мешавад). По старым поверьям считалось, что ночью в зеркале сверкает красота святого Алиа, простым же смертным в него смотреться запрещается (шаб дар ойна чамоли ҳазрати Алӣ метобад, умматҳоба равонест). Если нарушить этот запрет, то отойдет от человека благодать Алиа и жизнь его станет короткой. — (Дуои ҳазрати Алӣ равад, умраш кам мешавад). Не следует показывать зеркало ребенку, так как он пугается своего отражения и теряет сон или заболевает расстройством желудка. Как и у многих других народов, его поворачивают к стене или закрывают в доме, где кто-либо умер. Люди, соблаждающие траур, до 40 дней не должны смотреться в зеркало.²²

Зеркало хранится в доме в специальном мешочке — ойнахалта, который обязательно бывает в каждом приданом — вместе с меньшим мешочком для хранения гребня — шонахалта — и висит на стене в верхней, почетной части комнаты. Мешочки эти обычно бывают вышиты, в старину же, а иногда и теперь, они шиваются из кусочков материи, подобранных в узоры, среди которых одним из распространенных был узор, состоящий из вереницы черных треугольников на белом фоне.²³

После того, как молодые посмотрят в зеркало, приносят на тарелочке сахар и раздают по два куска всем присутствующим. Это называется даҳанширинии таги чодар — сладости под свадебной занавеской. Раньше для

этого приготавливали патску — ширини из тутовых ягод.

При входе жениха под занавеску совершался еще обряд пеши по рай-
тидан — наделение к ногам.²⁴ Мать или бабушка невесты склонялись к ногам жениха. Он не допускал этого и поднимал ее. Вставая она говорила: "Хыдо кушшаширатон кунад. — Дай бог, чтобы вы дожили вдвоем до глубокой старости". Сторона жениха дарила ей при этом отрез на платье. Старуха трижды склонялась перед женихом, и он трижды, наклоняясь, поднимал ее, не допуская склониться к земле. В наши дни многие считают поклон матерей к ногам молодых неприличным и унижительным для матери и отказываются от этого обычая.

Женщины — родственницы жениха, приехавшие вместе с ним, приходят в помещение, где сидит невеста и прочие гости. После угощения, перед уходом гостей каждой из них дарят отрез на платье и по 4 м марли — сыфеди — белое.

Жених, побыв некоторое время с новобрачной за занавеской, идет в окружении своих друзей в специально приготовленное для них (обычно у соседей) помещение — кушхона. У двери опять же расстелен пояндоз, по которому жених и его дружки проходят на свои места. Гостям дают сырые продукты — мясо, рис, морковь, называемые канарра. Входя в кухню дружки исполняют песню:

Мо дар ин хона ба шод омадам, Мы приехали в этот дом с радостью,
Шод бо чурасалом омадам. Радостные, с дружеским приветом.

В ожидании отправления жених и его дружки веселятся в кушхоне. В это время их по обычаю угощали блюдом тархавло, приготовленным из виноградной или тутовой патоки с сахаром и мукой, на льняном масле. В настоящее время вместо этого блюда часто приготавливают рисовую кашу на молоке — ширбиринч. Ее приносит на деревянном блюде один из родственников невесты. Когда угощение съедено, гости кладут на пустое блюдо по одному — два рубля. Эти деньги берет себе человек, принесший блюдо.

Считается, что тархавло приготавливается специально для жениха, поэтому это блюдо называют еще ширини шах — сладость для жениха, сахара. Это блюдо должно символизировать счастливую, "сладкую" совместную жизнь молодых; его относят и невесте под чодар.

Иногда мать невесты преднамеренно задерживает это угощение, чтобы гости не расходились до рассвета — времени отправления свадебного поезда. Тогда певцы исполняют песню, в которой просят мать невесты поскорее принести тархавло.

Оче арус бычо шуд,	Мать невесты спряталась,
Тархавло гучо шуд.	Тархавло куда делось?
Тархавло дер омад,	Тархавло идет с опозданием,
Чони шахмард буромад.	Жених ждет с нетерпением.
Оби дара сел омад,	Горный поток идет как сель,
Тархавло дер омад.	Тархавло идет с опозданием.
Тархавло дер омад,	Тархавло идет с опозданием,
Чони шахмард буромад.	Жених ждет с нетерпением.

После того как тархавло съедено, жених и его друзья продолжают веселиться.

На рассвете один из старших друзей или родственников жениха приносит одежду жениха и подарки его друзьям, сложенные в решето — ралбер. Решето ставят посредине и всем присутствующим раздают по платочку — даснумол, некоторым тюбетейку — тоқи, поясной платок — миёнбанд и летний халат — чалак. Затем надевают на жениха полушелковый халат — чуме беқасаб, тюбетейку, на которую раньше наматывали чалму — салла, повязывают поясной платок и дают ему в руки платочек — даснумол. Все присутствующие поздравляют жениха, один из старших прочитывает благословение. По обычаю, решето не должно возвращаться пустым. Все друзья жениха бросают в решето по одному—два рубля. Эти деньги предназначены мужчине, принесшему одежду жениха, которого называют пушокбар. В знак уважения он деньги и решето отдает хозяевам свадьбы — туйдор, но они отказываются, говоря, что это его доля — ҳаққи хыдыта быгир.

В это время несколько мужчин со стороны невесты приготавливают к увозу приданое невесты — чихези арус. Одежда, подушки и кошму связывают в два больших узла — бугчома, или тенги арус. Внутри одеял заворачивают по две лепешки и немного сладостей — для обеспечения благополучия молодых; эти сладости потом в доме жениха раздаются гостям. Кроме того, везут с приданым и присланные невесте через приехавших перед женихом женщин 4 подноса — лаълӣ, или дастархон, которые так и остались нераскрытыми и содержимое которых тоже раздается после приезда в дом жениха гостям.

Перед самым отъездом невесты из дома снимают занавеску — чодар и кто-нибудь на лошади отвозит ее в дом жениха, чтобы успеть к приезду молодой повесить эту занавеску в переднем углу ее комнаты в доме мужа. На рассвете в дом невесты приходят два представителя дома жениха для ускорения переезда невесты. Музыканты и певцы выходят и в своих песнях просят родителей невесты вывести ее поскорее.

Бурор, бурорыш, очаш, бурорыш,	Выведи, выведи, мать, выведи ее,
Дили очаш намашавад, оташ,	Мать не хочет вывести ее, отец,
бурорыш.	выведи ее.

Покидая родительский дом невеста идет к отцу прощаться и получить его благословение. Это называется пой падарбусӣ — целование ног отца. Она склоняется к его ногам, делая вид, что хочет их поцеловать. Отец поднимает голову дочери, дает ей просимое прощение за все ее проступки и благословение с пожеланием счастливой семейной жизни. Все присутствующие говорят "Омин".

Сесть в машину помогает невесте ее дядя по матери или, если его нет, ее брат. Раньше невесту увозили на лошади, к уздечке которой с обеих сторон привязывали белые платочки — нымолаки сьфед. Лошадь ведет под узцы дядя по отцу, называемый в данном случае сарчилав. Впереди лошади (теперь машины) идут музыканты, певцы, масхарабозы, свадебный поезд сопровождается все время музыкой и песнями. Невеста закутана в покрывало, в прошлом обязательно в паранджу с волосяной сеткой — фаранҷидо руқилак.

Во время увоза молодой из дома отца опять исполнялись действия, символизирующие вражду сторон жениха и невесты.

Приезд свадебного поезда в дом жениха сопровождается рядом обрядов. Перед домом жениха разжигают большой костер — миёнаалов, вокруг которого, как и перед домом невесты, устраивают базм — танцы и песни мужчин и женщин. Однако молодую вокруг костра не обводят, как это делается во многих местах на равнинах.²⁵

Женщины — родственницы, приехавшие с молодой, называемые общим термином кудо, не выходят из машины до тех пор, пока к машине не поднесут на подносе сладости и не совершат обряда чочуқи — осыпания сладостями. Невесте также не разрешают выйти из машины, пока за нее не дадут выкуп — деньгами или халатами. Выйти из машины невесте помогает ее дядя по отцу. Раньше жених сам снимал свою молодую жену с лошади, и тут же трижды запрыгивал на седло и слезал с него. Считалось, что лошадь происходит от дэва (асп — тухми дэвай), и это действие жениха должно было изгнать нечистую силу. Затем один из родственников невесты приносит в решете ячмень для лошади. После того как она три раза захватила в рот ячмень — се қап мегирад, решето с ячменем убирают, а принесшего его родственника одаривают халатом.

Молодая не входит в дом, пока у ее ног не зарежут барана. В последнее время в некоторых домах барана просто связывают и бросают к ее ногам, повторяя это трижды. Потом это животное режут в другом месте или оставляют живьем. Некоторые считают, что проливать кровь у ног молодой — грех.²⁶

Вводят молодую в дом, держа под руки ее родственницы — янга. Одна из старших янга — бабушка — момо, момои арус или тетя от ее имени приветствует родителей и всех родственников жениха: "Келин ба хусуру хусурбурдақош салом мегуяд, келин ба хушдоман ва ҳамаи ҳешони шаҳу меҳмонон салом мегуяд". У порога двери постилают пояндоз для невесты и сопровождающих ее янга (в к.Джойни-Куйди их было семь и всем им постелили под ноги пояндоз). Входя в дом молодая должна наступить на пояндоз правой ногой. Ее сопровождают при этом две янги, остальные идут следом. Все пояндозы передают потом старшей янге, в описываемом случае ею была бабушка молодой.

Обычно янгам, приехавшим с невестой, и другим женщинам, сидящим под чодаром, не дают холодную воду, считая, что это может "охладить" отношения между молодоженами, их сердца "остынут" друг к другу — дилхунуқи мешава. Сразу же после приезда молодых им под чодар приносят несколько чайников сладкого чая, чтобы все было "сладко". Под чодаром исполняются те же обряды, что и в доме невесты: обводят вокруг молодых зажженные лучинки — далил, дают сладости — ширини или шарбат, приносят зеркало, чтобы они посмотрели в него друг на друга. Считается, что это обеспечит им ясную, чистую совместную жизнь.

После этих обрядов перед молодыми расстилают дастархан, на который ставят подносы со сладостями, гранатами, яйцами и пр., но жених и невеста не едят. Через некоторое время жениха выводят, а родня жениха уговаривает невесту сесть. Однако она не соглашается, пока свекор и

свекровь не подарят ей чего-нибудь. Свекор — хусур уговаривает молодую, говоря: "Арус! Лулаком дасъёрыт, хыдым овбъёраку хезумбъёракыт, заным хокистаргиракыт, гову мольым миросыт, бачам кинролбозакыт. — Невестка! Мои дети будут тебе помощниками, я буду приносить тебе воду и дрова, жена моя будет убирать у тебя золу, корову и овец оставлю тебе в наследство, сын мой будет тебе мужем". За свекром приходит свекровь — хыщо ман и обещает отдать ей все, что есть в доме: "Келин бышин! Сурфаю дар — миросыт, хонаву дар миросыт, гову мольма кардым миросыт. — Садись, невестка! Скатерть для разделки теста — тебе в наследство, дом и двор тебе в наследство, корову и овец дам тебе в наследство". Эти уговоры называются хоне дар чахдкунон. В конце концов невестка садится.

Во всех селениях Файзабадского района свекровь после усаживания невестки под чодаром дает ей комок шерсти, чтобы она растрепала ее. Скот, шерсть — основное богатство семьи. Этот обряд имеет магическое значение как пожелание, чтобы у невестки было всегда много скота и шерсти для обработки.

Из других обычаев можно отметить усаживание на руках молодой мальчика в качестве пожелания многодетности. Мальчику дарят рубашку или поясной платок.²⁷ При исполнении этого обряда женщины и девушки играют на бубне, танцуют и исполняют народные песни-четверостишия.

Обычно на следующий день после приезда молодой в дом мужа устраивали обряд открывания и смотрения лица молодой — руйк-ушоён. В этом обряде участвовали приехавшие с молодой янга, ночевавшие в доме молодого, а кроме того приглашали ближайших родственниц и женщин из этого селения. Поднимала покрывало, открывая лицо молодой, девушка или молодая женщина, бывшая в браке только раз. Ей давали палочку плодового дерева, и этой палочкой приподнималось покрывало — рукилак, которое поднимавшая его женщина берет себе.

Первой подходит к невестке свекровь, целует ее и дарит платок или отрез на платье. За ней подходят другие родственницы и соседки жениха, и каждая тоже целует ее, что называется ошной кардан, и дарит ей, в зависимости от близости родства — отрез, платок, мыло, зеркальце, духи, пудру, серьги, браслет и т.п. Все эти подарки называются рунамоёкон — за смотрение лица. В свою очередь мать невесты одаривала всех родственниц и гостей жениха небольшими подарками.

При исполнении обряда руйбинон невесте дают держать под мышкой правой руки скатерть — сурфа с мукой, а под левой — две тоненькие лепешки — нони тунук. Это символизирует пожелание, чтобы она стала хозяйкой в доме мужа. По окончании обряда эти лепешки разделяются между всеми присутствующими.

Вслед за этим вносят сундук молодой с ее приданым — чыези арус. Одна из женщин кайвона, приехавших с молодой, показывает все вещи присутствующим. При этом она одаривает родственниц и родственников жениха отрезами, стеганьями и летними халатами, калошами и тубетейками. Затем раскрывают дастарканы — лалий, которые были привезены родственни-

цами жениха в дом невесты, когда отправлялся свадебный поезд за невестой, и которые были привезены нераскрытыми вместе с приданым невесты, и содержащиеся в них лакомства раздаются присутствующим. В это же время две-три родственницы молодой заняты развешиванием — торзани всей привезенной в приданом одежды молодой на протянутые вдоль стен бечевки. Со стороны жениха им дают за это по куску ткани: "Ды стошона съфед мекынан. — Делают белыми их руки".

Другой обряд, который исполняется на другой день после приезда новобрачной в дом мужа называется руфанрезон — поливание масла. Одна из родственниц жениха — кайвона раскладывает перед молодой скатерть с мукой — сурфа и предлагает ей замесить тесто для небольших сдобных лепешек — кулча. Молодая держит руки над тестом, а свекровь льет ей на них масло, приговаривая: "Хонаю дардор шави, бачукачдор шави, серфайзу, бабаракат шави, мулоиму серфарзанд шави. — Будь хозяйкой дома, будь многодетной, пусть в твоём доме всегда будет благодать и богатство, будь мягкой и многодетной". Вслед за свекровью подходят другие женщины и каждая из них поливает по две ложки масла на руки молодой. Последняя замешивает тесто, а затем передает его свекрови — домесить и испечь хлебцы. Когда они готовы, их съедают присутствующие — "на счастье" — ба мурод.

Этот обряд называют еще и сурфакушоён — раскрытие скатерти для приготовления теста. В к.Элок этот обряд называется дыст руфанрезон, но там молодая сама замешивает тесто и делит его на несколько кусков — зувола. Затем свекровь раскатывает каждый кусок, нарезает лапшу и варит суп — оши угро, а из оставшегося теста пекут тонкие лепешки. Гости едят лапшу, хвалят молодую как хорошую хозяйку. После еды все поют песни, танцуют, веселятся и затем расходятся. Обряд этот символизирует приобщение молодой к дому мужа, к его хозяйству. До его проведения молодая по обычаю еще не должна принимать участие в хозяйстве, приготовлении пищи. Только после этого первого приготовления пищи, сопровождаемого обрядовым угощением, она приобщается к хозяйственной жизни семьи.

Рассмотрение обычаев и обрядов, сопровождающих свадебное торжество у файзабадских таджиков приводит нас к выводу о том, что свадебная обрядность исследуемого района имеет много общих черт с аналогичной обрядностью Каратегина, Куляба (что уже было отмечено Н.А.Кисляковым), Нурека, а также с рядом обследованных нами районов Гиссара — Горного Хонако, Ромита. Выявлены некоторые различия в деталях того или иного обряда. Например, в Файзабаде воду из чаши, стоявшей перед муллой во время совершения брачного обряда, дают выпить новобрачным и друзьям жениха, а остатки разбрызгивают под брачной занавеской, в Гиссаре — брызгают в четыре угла комнаты, где сидит невеста, а остаток выплескивают в горячий очаг, в Кулябе — брызгают в очаг, а остаток выливают под какое-нибудь плодовое дерево.²⁸ Однако имелись и более значительные различия. Так, для дарвазской и кулябской свадьбы характерны обряды субхакдавон, шахизмат, сарбофон,³⁰ в исследуемом же нами районе эти обряды не отмечены.

Для исследуемого нами района характерны сохранявшиеся почти до самого последнего времени, нередко в очень острых формах пережитки бы-

лой вражды родственников и односельчан невесты к стороне жениха, если он был из другого селения. Как и всюду, в брачной обрядности сохранялись и пережитки всевозможных магических действий, цель которых "обеспечить" молодым счастливую жизнь.

Из новых обрядов входит в жизнь устройство девичника — даврай дух-тарон и некоторые другие. В целом, хотя нельзя сказать, что большинство обрядов, сопровождавших старую традиционную свадьбу, у файзабадских таджиков уже изжито, все же и здесь, как и во многих других народов Средней Азии,³¹ обряды, совершаемые главным образом по настоянию представителей старшего поколения, утрачивают свое религиозное значение. Они воспринимаются сейчас в основном как игровой момент свадебного церемониала, что на приведенном материале видно, например, из описания совершения брачного обряда нихо и выбора и поведения представителя невесты — вакил.

В настоящее время в основе современного брака лежит обоюдное согласие и любовь девушки и юноши, вступающих в брак.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полевые материалы, послужившие основным источником для написания данной статьи, были собраны автором в 1970—1974 гг. во время поездок в Файзабад и окрестные кишлаки, организованных Институтом истории им.А.Дониша АН ТаджССР.

² К и с л я к о в Н. А. Семья и брак у таджиков. М.—Л., 1959; Его же. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969; Т р о и ц к а я А. Л. Некоторые старинные обычаи, обряды и поверья таджиков долины Верхнего Зеравшана. — В кн.: Занятия и быт народов Средней Азии. Л., 1971, с.224—255.

³ О девичнике в Душанбе см.: Х а м и д ж а н о в а М. А. Девичник — чойгаштак в Сталинабаде. — "Изв.АН ТаджССР. Отд.обществ.наук", 1956, № 10—11, с.103—109.

⁴ Ср. с поверьем у кулябских таджиков (к.Сафедорон), что если новобрачный после приезда жены в его дом будет смеяться, то в округе будет голод (К и с л я к о в Н. А. Семья и брак у таджиков, с.115). Среди ирани в Бухаре, наоборот, по моим наблюдениям, стараются во время свадьбы развеселить невесту шутками. Считается, что если невеста улыбнется, то год будет удачным, будет дешевизна (арус хандад, сол арзонӣ мешавад).

Приведенные А.Мардоновой материалы — ее собственные и Н.А.Кислякова — свидетельствуют о том, что у файзабадских и кулябских таджиков, а также у бухарских ирани бытовали приметы, содержащие в себе указание на связь веселья, улыбки, смеха с урожаем. Связь эта становится понятной из недавно опубликованного интереснейшего исследования В.Я.Проппа, посвященного ритуальному значению смеха, магии смеха в древнейших представлениях людей. Он доказывает, что ранняя форма магии смеха основана на представлении, что смеху свойственна сила... создания жизни... С появлением земледелия силе смеха приписывается и способность вызывать к

жизни растения (Пр о п п В. Я. Ритуальный смех в фольклоре (По поводу сказки о Несмеяне). — В кн.: Пр о п п В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976, с.174—204, особенно с.203—204. На эту статью обратил мое внимание Б.А.Литвинский).

Именно с этим комплексом представлений и связаны приведенные выше приметы и запреты, являющиеся отголоском представлений о ритуальном значении смеха. Насколько известно, этнографический материал этого рода очень невелик. Специальный сбор сведений по этой теме среди таджиков, несомненно, выявит новые данные из области древнейших представлений человека (Прим.редактора).

5 В Файзабаде при мытье головы невесты никаких песен не поют, в Кулябе же и некоторых других горных районах подружки невесты поют прощальные песни: "Ғули былбылакым, шоҳи рангинаҳым" (Мой пестренький цветок, моя разноцветная веточка); "Ғыларусак, сар бышуй" (Невесточка, мой голову). См.: А м о н о в Р. Очерки эҷодӣети даҳнакии Қӯлоб. Душанбе, 1963, с.34; З е х н и е в а Ф. Свадебные песни таджиков. Автореф. канд.дис. Душанбе, 1972, с.11, 12.

Раньше в Файзабаде не заплетали волосы в мелкие косички майдабофи. Эта прическа появилась позже, и первое время делать ее считали грехом.

6 Подробнее о сменах костюма невесты-молодой — во время свадьбы у горных таджиков см.: Ш и р о к о в а З. А. Одежда горных таджиков. Душанбе, 1976, с.129 и сл.

7 В верховьях Зеравшана, где тоже принято приглашать всех без исключения односельчан, такое приглашение называется сарфу ҷамъ — всеобщий расход.

8 Обряд бритья головы жениху у Файзабадских таджиков мало отличается от такого же обряда других горных таджиков (См.: А н д р е е в М. С. Таджики долины Хуф. Вып. 1. Сталинабад, 1953, с. 142 и сл.; К и с л я к о в Н. А. Семья и брак у таджиков, с. 98; Р о з е н ф е л ь д А. З. Свадебный фольклор припамирских таджиков. — В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1970, с. 203—204).

9 Раньше за невестой ездили на лошадях, а если жених был из своего селения, то он ехал верхом, а остальные шли пешком.

10 Описание этой народной спортивной игры, в прошлом чрезвычайно распространенной и любимой в Средней Азии, см.: Н у р д ж а н о в Н. Таджикский народный театр. М., 1956, с. 33; А н д р е е в М. С. и Ч е х о в и ч О. Д. Арк Бухары. Душанбе, 1972, с. 105, 106.

11 Подробно о пережитках брака умыканием см.: К и с л я к о в Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969, с. 131.

12 Ср. с аналогичными представлениями у хорезмских узбеков С н е с а р е в Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 83.

13 О времени совершения брачного обряда при выходе замуж девушки и вдовы см.: А н д р е е в М. С. Таджики долины Хуф. Вып. 1, с. 161; К и с л я к о в Н. А. Семья и брак у таджиков, с.104.

14 Раньше перед муллой ставили чашку молока.

15 В Каратегине с этой же целью перед женихом ставят сито
Н у р д ж а н о в Н. Свадьба. — В кн. : Таджики Каратегина и Дарваза.
Вып.3. Душанбе, 1976, с. 48.

16 У бухарских ирани дождь во время свадьбы считается дурной приметой, и связывается с тем, что невеста или жених поели много остатков молока, образующихся на стенках котла при его кипячении, называемых таги деги, или киргич и считающихся лакомством. Поэтому, если девушка или даже маленькая девочка выскабливает котел после кипячения молока, съедая таги деги, ей говорят: "Нахур, туятба борон меборад!" (Не ешь, а то во время твоей свадьбы будет дождь!).

17 В Гиссаре воду из брачной чаши брызгают в четыре угла комнаты, а остаток выливают в горячий очаг в качестве магического приема, чтобы чувства молодых друг к другу были "горячими". (Ср. с подобным поверьем в Ягнобе. К и с л я к о в Н. А. Семья и брак у таджиков, с. 107).

18 В Бухаре нижнее белое свадебное платье называется куртаи бахт — платье счастья

19 Ср. с аналогичным обычаем в Припамирье. А н д р е е в М. С. Таджики долины Хуф. Вып. 1, с. 159.

20 Бухарские ирани свадебное зеркало называют оинаи бахт — зеркало счастья. Его оберегают. Если оно разобьется, особенно во время свадьбы, это считается очень дурной приметой. Вообще не полагается держать в доме разбитое или треснутое зеркало; считается, что это принесет несчастье, смерть — шикасти молу чон. Также не разрешается держать и употреблять разбитую или треснутую посуду.

21 У бухарских ирани запрещалось ночью смотреться в зеркало девушке. Якобы в результате этого, выйдя замуж, она будет иметь в семье соперницу, не будет единственной женой своего мужа. У них же мне удалось записать представление о связи зеркала с дождем. Если долго идет проливной дождь, ливень, называемый, как и паводок, могущий повредит посевам, то для прекращения его считалось действенным применить следующее магическое средство. Выводили под дождь и усаживали лицом к кибле не достигшего зрелости — бабалогат норасида мальчика, босого и давали ему в руки зеркало, которое он должен был держать обращенным к кибле. (Интересные сведения о зеркале и связанных с ним представлениях см. : Л и т в и н с к и й Б. А. Зеркало в верованиях древних ферганцев. — "Советская этнография", 1964, № 3, с. 97).

22 Как выяснено А.К.Писарчик, собравшей для меня эти сведения, представления о том, что смотреть на себя в зеркало утром после сна, а также иметь при себе зеркало в пути — богоугодное дело, распространены и в ряде других мест, в частности в Северном Таджикистане: Ура-Тюбе, где в прошлом ни один корвоноши — начальник каравана не выступал в путь, не имея при себе зеркала (сообщения Н. Ташматова), в Сохе (сообщение У.Джахонова), в Исфаре (сообщение Алихона Исмоилова), а так-

же в Ленинабаде (где, кроме всего этого, существовал еще обычай рассказывать зеркалу дурной сон, чтобы предотвратить предполагаемое вредное действие — так же, как это делается и перед текущей водой, которая уносит все дурное (сообщ. Н. Турсунова).

23 О таких изделиях и узорах на них см.: П и с а р ч и к А. К. и Х а м и д ж а н о в а М. Узорные изделия из кусочков материи — курама или куроқ. — В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 2. Душанбе, 1970, с. 203-204.

24 В Гиссаре этот обряд называется кампир мурд — старуха умерла (Запись З. Юсуфбековой). См. также. К и с л я к о в Н. А. Семья и брак у таджиков, с. 113-114.

25 Такой обычай зарегистрирован в Шахристане, Ягнобе (К и с л я к о в Н. А. Семья и брак у таджиков, с. 112), в Самарканде, Ура-Тюбе.

У бухарских ирани (к. Зирабад) при приближении свадебного поезда к дому жениха один из его родственников кричит кучабоғ, кучабоғ; при этом поезд останавливается и приехавшие расступаются по обе стороны дороги, оставляя на ней лошадь с сидящей на ней невестой. По образовавшемуся свободному пространству, длиной около 50 м двое друзей проводят бегом жениха поддерживая его под руки. При этом жених должен, размахнувшись, изо всей силы бросить над головой невесты большой плод граната. Если свадьба происходит во время года, когда гранатов нет, он бросает комок сахара. Присутствующие устремляются к брошенному, подбирают его и разделяют по кусочку между собой.

Затем жених снимает с лошади молодую, которую трижды обводят вокруг костра — миёнаалов. За последнее время, если молодая приезжает на лошади, ее обводят вокруг костра, и только после этого молодой снимает новобрачную с лошади, а во дворе его мать окуривает ее дымом от плодов растения испанд, чтобы предотвратить сглаз.

26 У бухарских ирани при входе молодой в дом мужа на пороге — остона клали большой кусок сахара. Молодая должна была, наклонившись, захватить этот сахар зубами как символ счастливой жизни в новом доме.

27 Такой же обычай отмечен и среди кулябских таджиков. См.: К и с л я к о в Н. А. Семья и брак у таджиков, с. 115.

28 К и с л я к о в Н. А. Семья и брак у таджиков, с. 119-120.

29 Он же. Семья и брак у таджиков, с. 186.

30 Н у р д ж а н о в Н. Свадьба. — В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 3. Душанбе, 1976, с. 56.

31 Л о б а ч е в а Н. П. Формирование новой обрядности узбеков Хорезма. М., 1975, с. 43.

цессов. Возможно, изменение происходит вследствие различной плодовитости отдельных частей популяции. Во всяком случае, к такому выводу склоняют нас анализ плодовитости разных генеалогических групп у манси и тот факт, что различия между более и менее плодовитыми частями популяции носят типологический характер (а именно менее плодovитой части популяции в большей мере свойственны признаки древнеуральской расы, которая выделяется в составе манси, восточных финнов и некоторых других групп).

Таковы основные особенности генетической структуры небольших популяций, которые на протяжении существования человечества составляли основную воспроизводящую единицу.

В настоящее время начато изучение больших популяций, представляющих население крупных городов²⁴.

²⁴ Курбатова О. Л. Генетические процессы в городском населении (историко-демографическое исследование популяции г. Москвы): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. биол. наук. М.: НИИ антропологии, МГУ, 1977.

А. Мардонова

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ДЕТСКОГО ЦИКЛА У ТАДЖИКОВ ВЕРХОВЬЕВ ЗЕРАВШАНА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Традиционная обрядность народов Средней Азии и Казахстана, связанная с первыми годами жизни ребенка, — одна из тем, разрабатываемых в плане подготовки историко-этнографического атласа этого региона. В советской этнографической литературе ей посвящен ряд работ¹. Таджикскую обрядность, связанную с детьми, первым описал А. Гребенкин². В 1926—1927 гг. эту обрядность изучала у таджиков верховьев Зеравшана А. Л. Троицкая, работавшая в крупнейших кишлаках Фальгарской (к. Урмитан), Матчинской (к. Мадрушкат) и Искандеровской (к. Шурмашк) волостей, и посвятила ей специальное исследование³.

Данная статья основана на материалах, собранных автором в 1959—1961 гг. (в составе Зеравшанской этнографической экспедиции Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР) в тех же кишлаках, где работала А. Л. Троицкая. Кроме того, сведения получены в кишлаках современных Айнинского и Пенджикентского районов (Рог, Зимтут, Махшевад, Ёри, Мазар, Верхний Гезан, Нижний Гезан, Панджруд, Некот, Джик, Парз, Ремонт и др.), а также в г. Пенджикенте. Выбор для обследования районов, изучавшихся более 30 лет назад А. Л. Троицкой, позволил выявить изменения, происшедшие в обычаях и обрядах детского цикла, в отношении к ним населения.

Надо сразу же подчеркнуть, что в 1926—1927 гг. эти обряды еще бытовали, и А. Л. Троицкая могла сама наблюдать все обрядовые действия, выполняемые последовательно чуть ли не с момента зачатия ребенка до достижения им 7—8 лет. Она тщательно проанализировала обряды, выявила связанные с ними представления, магический смысл каждого действия. Мы же застали интересующую нас обрядность на стадии угасания: полностью цикл ее обнаружить не удалось, сохрани-

¹ Библиографию см.: Рахимов М. Р. Рождение и воспитание ребенка. — В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе: Дониш, 1976, в. 3, с. 171—172.

² Гребенкин А. Заметки о Когистане. — Туркестанские ведомости, 1872, № 27, 32.

³ Троицкая А. Л. Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана. — Сов. этнография, 1935, № 6, с. 109—135. Далее ссылки на эту работу даются в тексте статьи.

лись лишь отдельные его элементы, многое утрачено или переосмыслено, какие-то действия выполняются чисто символически, в силу традиции.

* * *

Издавна у народов Средней Азии, в том числе у таджиков, многочисленное потомство считалось признаком благополучия семьи. Об этом свидетельствуют и некоторые пословицы (например: «Ребенок — опора старости», «Жизнь рыбы связана с водой, а жизнь человека — с детьми»). Однако социально-экономическая и культурная отсталость народов дореволюционной Средней Азии, различные эпидемии и болезни, отсутствие квалифицированной медицинской помощи приводили к большой детской смертности. В народном быту широко применялись различные магические обряды, призванные обеспечить детям здоровье и долголетие.

Первые 40 дней (чилла). У таджиков верховьев Зеравшана, как и у других народов Средней Азии, первые 40 дней после родов считались очень опасными для новорожденного и роженицы. Полагали, что некоторые магические обряды могут защитить мать и ребенка от действия злых духов: демонов, дивов, алмасты и др. Так, в течение 40 дней в комнате, где находилась роженица и новорожденный, не гасили свет. А. Л. Троицкая отмечает, что это соблюдалось лишь в состоятельных семьях; в семьях же малоимущих огонь оставляли на ночь только пять—семь дней (с. 119). Роженица не должна была выходить на скотный двор, чтобы находящиеся там злые духи не причинили ей вреда; в период чилла запрещалось давать соседям соль, вообще выносить из дома и вносить в дом пищу. Сама роженица считалась ритуально нечистой, ей нельзя было целоваться, замешивать тесто. По обычаю, бытовавшему у многих народов Средней Азии, под подушку роженицы и младенца клали лук, нож и хлеб, а на дверную ручку и на потолок вешали красный перец, так как верили, что злые духи не любят острых вещей и резких запахов. На ребенка надевали рубашку, сшитую из старой одежды бабушки или дедушки («чтобы он достиг их возраста»).

Табуацию отдельных слов, отмеченную А. Л. Троицкой, мы не зафиксировали (раньше нельзя было произносить в присутствии роженицы и новорожденного слова *калид* — «ключ», *дик* — «котел», *кўза* — «кувшин»; см. с. 118).

Одним из главных обрядов периода чилла было купание младенца. Делали это не часто. В кишлаках Гезан, Некнот, Рашна, Искодар, Магиян и др. в первые 40 дней женщину и ее новорожденную дочь купали четыре раза, а если у нее рождался сын, то всего два раза (полагали, что у женщин грехов больше, значит и мыться им нужно чаще). В семьях, где умирали дети, новорожденного не купали до 40 дней, веря, что это спасет его от злых духов. Обычно же младенцев купали на 20-й день.

В настоящее время такого рода суеверия ушли в прошлое. Теперь ребенка стараются как можно раньше приучить к воде. Молодые родители моют младенца один—два раза в неделю. Обрядовая форма сохранилась в ряде кишлаков лишь в обычае первого «омовения» ребенка в «особой» воде, в которую добавляют немного бараньего жира, закваску для теста, горсточку соли и «наследственное», переходящее из поколения в поколение, кольцо матери, т. е., как пишет А. Л. Троицкая, «предметы, символизирующие богатство, достаток, здоровье и счастье» (с. 120). Считалось, что в этом случае ребенок вырастет упитанным и крепким. Первое омовение обычно совершала *момо* — повитуха. Она раздевала ребенка, сажала его в таз, поливала из кувшина приготовленной водой и приговаривала: «Вода худая — ребенок полненький, горные козлы худые — ребенок полненький, земля худая — ребенок полненький». После мытья младенца вытирали и дули на его тельце, веря, что это обеспечит все ту же полноту. Воду после купания выливали на корни плодового дерева или на кучу бараньего помета, чтобы младенец получил спокойный нрав и упитанность барана.

Обряд первого купания подробно описан А. Л. Троицкой, причем ее материалы в основном совпадают с нашими. Различия прослеживаются лишь в деталях: в воду клали, по данным А. Л. Троицкой, также кусочек мяса, вату, землю, семь зерен пшеницы, серебряную монету (набор предметов варьировал в разных кишлаках), ребенка сажали не прямо в таз, а на ноги матери (или повитухи), которые она, усевшись «на приступочку», держала в тазу; головку ребенка в некоторых кишлаках мыли молоком матери (с. 120—121).

Обряд одевания был довольно сложным. Новую рубашку — *куртаи чиллаги* предварительно надевали на кол (чтобы ребенок вырос крепким, как кол), потом на собаку, трижды повторяя: «Будь быстроногим, как собака», и лишь после этого — на ребенка, приговаривая: «Одну надев, сто таких порви, жизнь рубашки коротка, жизнь ребенка пусть будет долгой». По сведениям А. Л. Троицкой, подобные обряды сопровождали и надевание первой рубашки сразу после рождения ребенка или после отпадения пуповины, либо на третий день (с. 121).

В период чилла выполнялся также обряд поздравления с новорожденным; мы не описываем его, так как теперь это просто веселый семейный праздник. Отпадение пуповины, «опасные» ночи (третья, пятая, седьмая — «седьмица» и девятая) не обязательно отмечались специальными обрядами уже в 1926—1927 гг., когда изучала обряды детского цикла А. Л. Троицкая.

Укладывание в колыбель (гаворабандон). Для ребенка раньше, как правило, не приобретали новой колыбели, а использовали старую, взятую у многодетных соседей (такая колыбель считалась *бахосият* — «счастливой»). А. Л. Троицкая пишет, что чаще всего «положение в колыбель... назначается... через девять дней после рождения» ребенка, так как первые девять дней были наиболее опасными для него, но в кишлаках Матчинской волости иногда клали в колыбель на третий, шестой, седьмой день (с. 126). В кишлаках Магиян, Рог младенца клали в колыбель на пятый—седьмой день после отпадения пуповины. Обычно гаворабандон справляли особенно празднично только для первенца либо для ребенка, родившегося после долгого перерыва; для остальных детей этот обряд отмечали менее торжественно. Все детские вещи, и прежде всего колыбель, при рождении первенца должны были принести родители жены. Для укладывания ребенка в колыбель выбирали «счастливый» день (понедельник, среду или пятницу) и «хорошее» число. Обряд гаворабандон бытует в некоторых семьях обследованных кишлаков и в настоящее время. Большое внимание в обрядовом цикле всегда уделялось самой колыбели: уже упоминалось, что она считалась «счастливой», если детей в семье было много, и переходила от одного ребенка к другому. Если же, наоборот, в семье умирал ребенок, «виноватой» в этом считали *бехосият* — «несчастливую» колыбель. Нам говорили, что ее охотно уносили из дома. Так, в кишлаках Зимтут, Магиян, Фараб, Некнот был даже специальный обряд (А. Л. Троицкой он не отмечен): колыбель умершего ребенка «наряжали», несли на кладбище и оставляли там, говоря: «Ты убил (забрал) моего ребенка, возьми и колыбель». Иногда «несчастливую» колыбель отдавали цыганам.

Некоторые из зафиксированных нами названий частей колыбели и ее оснащения отличаются от приводимых А. Л. Троицкой. По ее сведениям, тюфячок, набитый шелухой от проса или мелкой соломой, который клали на дно колыбели, назывался *арзандон* (с. 125), по нашим — *каки* (к. Рог); широкие ленты для привязывания ребенка к колыбели по данным А. Л. Троицкой — *дасбанд* и *побанд* (с. 125), по нашим — *дасранг* и *поранг*. Надо отметить, что названия частей колыбели и ее оснащения значительно варьировали в разных кишлаках: так, отводная трубка, по которой моча стекала в горшочек, в Пенджикенте называлась *сумак*, а в к. Рог — *дуньяк* и т. д. Различным было и покрытие колыбели — *гаворапуш*. А. Л. Троицкая пишет о ватном одеяле или шерстяном паласе *гилем* (с. 125). По нашим сведениям, покрывала и

матрасики для младенцев, так же как халатики, рубашки и тюбетейки для детей постарше, часто шили из разноцветных кусков ткани — *куррок* (считалось, что это предохраняет от сглаза).

Перед укладыванием младенца колыбель тщательно очищали огнем и окуривали (*алас*), для чего повитуха зажигала тряпку и трижды обводила ею вокруг колыбели, приговаривая: «Пусть моя рука коснется тебя, а не горе; не моя рука, рука святых, рука Фотимы и Зухры, бабушки Хадичи и Кибриё, во имя бога, пусть твой сон будет, как у медведя, а жизнь долгой, как у арчи⁴, покой и благополучие, аминь».

На празднование гаворабандон приглашали всех женщин кишлака с детьми. Им подавали плов, чай со сладостями, но основным угощением были лепешки, которые начинали печь в доме еще с утра. А. Л. Троицкая пишет (с. 126), что в к. Шурмашк их называли *нимтуй* (нами это название не зафиксировано). Пекли также, о чем сообщает и А. Л. Троицкая, две очень толстые лепешки — *нони сари гавора* (хлеб для колыбели); их разламывали и давали по кусочку всем присутствующим, а кусочек обязательно клали в колыбель, в изголовье (с. 128). По нашим сведениям, специально для колыбели выпекали небольшую лепешку *кулчанун*.

Во время угощения застеленную по всем правилам колыбель ставили на видном месте на шкуру барана («чтобы сон ребенка был крепким, как у ягненка»). Само укладывание ребенка в колыбель совершала многодетная, спокойная и добрая женщина. Но предварительно окуривали ребенка («от сглаза»), для чего повитуха обносила всех присутствующих дымящейся на подносе травой — *испанд*, а гости бросали в огонь по одной нитке от своей одежды. Ребенка трижды обносили вокруг дымящейся травы, а затем клали остатки ее в горшочек под колыбелью.

Прежде чем положить ребенка в колыбель, туда поочередно клали зеркало, гребень, точильный камень, лук, веник и маленькую лепешку *кулчанун*. Каждый предмет трижды опускали в колыбель вместо ребенка, спрашивая: «Так ли положить ребенка?» Два раза все женщины хором отвечали отрицательно, и только на третий раз — утвердительно (точильный камень и веник клали младенцу в ноги, остальное — под подушку). Всякий раз при выпечке в доме хлеба надо было *кулчанун* заменить свежей лепешкой (старую отдавали девочке-сироте, которая, покачав ребенка, съедала ее). Считалось, что зеркало и гребень «округляли» голову младенца. Перец и лук помещали в колыбель, чтобы обезвредить действия ведьмы (*ачина*) и дива, камень — чтобы ребенок вырос крепким; веник по старинным народным представлениям означал чистоту и «спутника» ребенка, якобы отгоняющего злых духов.

Укладывание в колыбель самого ребенка проходило в том же порядке: дважды его клали неправильно, и только на третий раз помещали голову на подушку, приговаривая: «Удовольствуйся доставшимся от дедушки и бабушки, спи спокойно. Не бойся лая собаки, крика осла, не бойся ссоры отца с матерью, не бойся грома и молнии». В Пенджикенте на перекладине колыбели над головой младенца кололи семь орехов, говоря: «Не бойся скандалов, лая собаки, мяуканья кошки, не бойся дивов и пари⁵, не бойся криков людей. Пусть сон твой будет, как у медведя, а жизнь, как у арчи». В к. Шурмашк, как сообщает А. Л. Троицкая, орех разбивали на перекладине колыбели в ногах ребенка (с. 127). В к. Мазар орехи не употребляли в семейной обрядности, так как полагали, что они вызывают скандалы.

После укладывания ребенка повитуха «плевала» ему в рот, произнося: «Сон отдала тебе, жизнь отдала тебе». Затем колыбель с младенцем поверх покрывала гаворапуш накрывали еще шкурой барана, что должно было способствовать спокойствию и здоровью новорожденного, или скатертью — это означало пожелание богатства и изобилия. Родственники осыпали колыбель конфетами и кишмишем, а присутст-

⁴ Арча — древовидный можжевельник.

⁵ Пари — «фея».

вующие, особенно дети, весело их собирали. После этого повитуха клала под подушку ребенка слева зеркало, а справа гребенку (чтобы покормить ребенка, мать могла сесть и с правой и с левой стороны колыбели). По окончании праздника каждый гость подходил к колыбели и, дотронувшись до нее, говорил: «Отдам тебе сон и всю жизнь».

В кишлаках Ёри, Фароб, Нижний Гезан и в г. Пенджикенте в день гаворабандон после угощения пловом исполнялся обряд, о котором мы не нашли сведений в литературе. Он заключался в следующем. Провожая женщин, повитуха становилась у порога с шумовкой (*калбес* или *қошуқи ошкаши*) в руке и ударяла ею по спине каждую уходящую, говоря: «Отдай свой сон ребенку». Женщины на это отвечали: «Ваши болезнь и несчастье да перейдут мне, отдала все сны младенцу, пусть ему принадлежит медвежий сон и жизнь его будет долгой, как у арчи»⁶.

Наречение имени (номгузори). В прошлом этот обряд проводился в различных кишлаках в разное время: на 7, 9 или 13-й день после рождения. Выбор имени зависел от многих обстоятельств: от времени года, месяца и дня недели, в которые ребенок родился, от близости календарного или сельскохозяйственного праздника и пр. В семьях, где часто умирали дети, им давали имена, обозначающие какие-либо прочные предметы: Сангак (букв. маленький камень), Тоштемир (камень-железо), Болта (молоток), Теша (вид топора), Табар (топор) и др. Верили, что подобные имена отпугивали от ребенка злых духов.

В верховьях Зеравшана до наших дней сохранился отмеченный А. Л. Троицкой и бытующий у многих народов обычай давать ребенку имя кого-либо из умерших родственников. В таких случаях мать, обращаясь к ребенку, называет его *оча* («мать»), если он носит имя ее покойной матери, или *додо* («отец»), *биби* («бабушка»), *бобо* («дедушка») и т. д. в зависимости от того, в чью честь ребенок назван. Само имя умершей матери или бабушки может и не произноситься (см. с. 127). Имя давал ребенку один из старших и почитаемых членов семьи или кишлака, человек, проживший долгую жизнь. Полагали, что долголетие и хорошие качества старейшего перейдут к младенцу. Раньше наречение имени происходило следующим образом: старик наклонялся к уху младенца и сначала произносил слово *азон* (мусульманский призыв к молитве), а затем называл имя, выбранное родителями. Считалось, что, если этого не сделать, ребенок не будет мусульманином и даже может стать глухим⁷. Детей, названных в честь предков, старались не обижать, иначе предки могут отомстить. Двойняшек-мальчиков, как отмечает и А. Л. Троицкая, часто называли Хасан и Хуссейн, девочек — Фатьма и Зухра, мальчика и девочку — Хасан и Хусенамо (с. 127). В некоторых кишлаках верховьев Зеравшана (Джик, Панджруд, Ремонт) мальчикам раньше часто давали арабские имена.

За годы Советской власти изменились обычаи, связанные с наречением имени ребенку. В 30-е годы стали давать имена, отражающие социальные перемены, происшедшие в стране: Давлат (государство богатство), Ватан (Отечество), Аскар (солдат), Колхозчи (колхозник), Озод (свободный) и др. Теперь родители, выбирая имя, как правило, прислушиваются к советам старших родственников, друзей. А порой, услышав благозвучные имена по радио или узнав о них из телепередач либо из газет и журналов, они дают их своим детям. Вышли из употребления имена, унижающие достоинство человека (например, Қул — раб). В настоящее время часто встречаются имена, начинающиеся словом *гул* — «цветок» (Гулзора, Гулрухсор, Гулбадан, Гулчехра, Гулбахор и др.), а также связанные с драгоценными камнями: Ёкутой (рубин), Дурдона (жемчужина), Марчона (коралл), Фируза (бирюза), Зумрад (изумруд), Садаф (перламутр), Гавҳар (жемчужина). Детей

⁶ См., также: Гребенкин А. Указ. раб., № 32.

⁷ Пещерева Е. М. Рождение и воспитание ребенка.— В кн.: Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1954, с. 185.

охотно называют и именами легендарных и исторических героев: Рустам, Сухроб, Чамшед, Абулк, осим, Искандар, Мехрангез, Фарход.

Окончание сорока дней (*чиллагурезон*). Период чилла завершался, как правило, обрядом чиллагурезон (*чилла* — сорокодневье, *гурезон* — прогонять). А. Л. Троицкая отмечала, что иногда этот обряд устраивался на 20-й день. По ее мнению, «чилла разделяется ... на первые двадцать дней и вторые двадцать дней, и каждая из половин называется *çilla*» (с. 128).

На 40-й день женщина с младенцем впервые выходила на улицу и навещала свою мать. Вместе с нею были свекровь, соседки, подруги; обычно брали с собой небольшое угощение. Мать роженицы осыпала головку ребенка мукой, приговаривая: «Живи до старости, достигни моего возраста». В к. Покут она на пороге своего дома разбивала чем-нибудь камень («чтобы тело ребенка было крепким, как камень»). Все эти действия относятся к имитативной магии и направлены на то, чтобы ребенок рос крепким, здоровым, спокойным.

Аналогичные сведения о проведении обряда чиллагурезон содержатся и в работе А. Л. Троицкой. Кроме того, она отмечает, что в Искандеровской волости с ребенком заходили в семь домов, и всюду ему давали лакомства, а в некоторых домах дарили материю (с. 128). Новое, зафиксированное нами в проведении обряда, заключается в посещении хлева⁸. В кишлаках Фароб и Рашна молодая мать, прежде чем войти в дом своих родителей, заходила в хлев — *оғил*. В к. Рог мать в хлеву сажала ребенка на барана, приговаривая: «Пусть твои кишки будут длинными, как у барана, будь спокойным подобно барану, пусть у тебя вырастут зубы, мелкие, как у барана». Затем она клала в подол рубашки ребенка бараний помет, который сжигала, придя домой, а его золой смазывала тело младенца. Остаток золы бросали в горшок (*тувак*), привязывавшийся под отверстие в колыбели. Если же у молодой матери не было ни матери, ни бабушки, ни сестер, то она шла в хлев соседей или дальних родственников и там совершала эти действия, причем по обычаю надо было обойти семь хлевов.

Первые слова ребенка (*аввалин сухангуши кӯдак*). С 3—4-х месяцев родители и родственники начинают разговаривать с ребенком, чтобы он, слушая речь, скорее научился говорить. Во многих кишлаках и селениях долины Зеравшана (Зимтут, Панджруд, Вору и др.) старались не пропустить момента, когда ребенок впервые среди своего непонятного лепета случайно назовет отца, мать или кого-нибудь из родных (*додо* — отец, *оча* — мать, *бобо* — бабушка, *биби* — бабушка, *амма* — тетя по отцу, *хола* — тетя по матери). Названный должен был подарить ребенку барана или козу. Животное позднее закалывали в «счастливый день» или в день какого-либо праздника (например, первой стрижки волос девочки или обрезания мальчика) и приготавливали угощение. Теперь это делают в день рождения, когда ребенку исполняется год.

Кроме того, когда ребенок впервые начинает говорить, исполняют и другой обряд: мать замешивает тесто и моет руки в чашке с водой. Этой водой с тестом (*оби лаққа*), бабушка по отцу кормит ребенка, приговаривая: «Пусть язык у тебя будет острым».

Таджики долины Зеравшана, как и многие другие народы, верили, что если первым ребенком произнесет имя отца, то следующим новорожденным будет сын, а если имя матери — дочь.

Если ребенок начинает ходить раньше, чем научится хорошо говорить, то берут остатки пищи с тарелки какого-либо очень красноречивого гостя и приятного собеседника и кормят ими ребенка. Аналогичный обряд известен и у киргизов.

Появление первых зубов. До недавнего времени в отдельных семьях бытовал интересный и весьма распространенный у таджиков в про-

⁸ Аналогичный обряд бытовал у таджиков г. Самарканда, см.: *Сухарева О. А.* Мать и ребенок у таджиков. — В кн.: Иран, III, 1929, с. 153.

шлом обряд *дандонмушак*, связанный как с появлением первого молочного зуба, так и с его выпадением⁹.

Зубы у детей прорезаются в разное время. При нормальном развитии ребенка первый зуб, как известно, должен прорезаться в 6–8-месячном возрасте; более позднее появление свидетельствует о каких-то нарушениях в развитии организма. В народе же позднее прорезание зубов считалось признаком крепких и красивых зубов — *гавхардандон* («жемчужные зубы»), а раннее, в 3–5-месячном возрасте, обещало в дальнейшем непрочные зубы (*гуҳдандон* — «дрянные зубы» или *сагдандон* — «собачьи зубы»).

При прорезании зубов, как известно, чешутся десны, поэтому ребенку давали очищенную морковь, яблоко или же к его ручке привязывали очищенную косточку — *дандонхораки устухони*. А. Л. Троицкая сообщает, что в этот период на ручку ребенка «навязывается ... браслетик из бус с длинной костью палочкой», называвшийся *дандон халилак* (с. 130–131). В настоящее время дают ребенку покупные резиновые игрушки или специальные колечки. Они смягчают десны, и зубы быстрее прорезаются.

Обряд, которым отмечалось появление первых зубов, совершался торжественно с участием женщин и детей. Происходило это так: мать с ребенком шла к воротам семи домов, в которых живут многодетные, обеспеченные и счастливые люди, и, подражая детской речи, просила разные продукты. При этом она пела шутовскую песенку:

Мышка-мышкин зуб!	Дайте нам муки испечь лепешек,
О гумно полное цветов мышки!	Дайте нам пшеницы кашу сварить,
Мы пришли издалека	Дайте нам орехов погрызть,
Ради одного зубочка мышонка.	Дайте нам урюк пожевать.

Получив тарелку муки, сушеные фрукты, рис, пшеницу, горох, орехи, она приносила их домой и готовила угощение. Из муки пекли маленькие лепешки *кулча*, из пшеницы варили кашу *оши куча*; готовили также суп с лапшой, иногда плов. Этими блюдами угощали приглашенных гостей. В кишлаках Джик, Такфон после угощения приводили и ставили посредине комнаты ребенка — виновника торжества. Одна из наиболее почтенных и уважаемых женщин осыпала ему головку конфетами и вареными бобами, приговаривая: «Вырастай большим, доживи до глубокой старости, пусть зубы твои прорежутся так же быстро, как быстро всходят бобы, пусть у тебя прорежутся молочные зубы». Присутствующие дети и женщины, весело, с шутками собирали сласти. У памирских таджиков в Шугнана при появлении у ребенка первых зубов приготавливали кашу из размельченных пшеничных зерен. Прежде чем взрослые приступали к еде, ребенку мазали губы и десны (дескать, он уже «созрел» для пищи взрослых). Иногда мать сажала ребенка на барана, «чтобы зубы были мелкими и красивыми, как у барана».

Цель всех этих магических действий заключалась в том, чтобы обеспечить легкое, без боли, прорезание зубов и дальнейший их рост, прочность и красоту.

В настоящее время обряд *дандонмушак* утратил свой магический смысл и проводится как веселый семейный праздник, символизирующий пожелание долголетия и счастливой жизни ребенку.

Первые шаги ребенка. Обряды, связанные с первыми шагами ребенка, называются *погардак* (к. Рог), *попорак* (к. Парз) и *қадамдозон* (кишлаки Рог, Парз, Мадрушкат). Считалось, что эти обряды помогут ребенку научиться ходить быстро и легко; и теперь они по традиции соблюдаются в некоторых семьях.

Как только ребенок начинает пытаться ходить сам, исполняется

⁹ Подробнее см.: *Мардонова А.* Обычаи и обряды таджиков верховьев Зеравшана, связанные с появлением и выпадением молочных зубов у детей. — Изв. АН ТаджССР, 1973, № 1(74), с. 25–31.

следующий обряд. Двое взрослых берут его под мышки и медленно водят, поливая на землю воду и приговаривая: «Топ-топ ножками». Затем мать или бабушка водит ребенка по этому месту, произнося: «Пойди, как текущая вода бегом-бегом по улочкам». То же наблюдала и А. Л. Троицкая; несколько различаются только слова напутствия. Так, «в Матче часто говорят неуверенно ступающему малышу: „Ножка-ножка, дай-дай красный сапожок“» (с. 32). В к. Зимтут голову малыша при этом осыпают сладостями и вокруг нее обводят камнем, который потом разбивают на куски со словами: «Пусть голова будет крепка, как камень, а жизнь будет долгой». Под ноги идущего ребенка в к. Рарз клали вату, чтобы он в ходьбе был легок, как вата, а в Нижнем Гезане и Магияне — острый нож, чтобы он был ловок и быстр в беге.

Первая стрижка волос (муйсаргирон) и ногтей (нохунгирон). Церемония первой стрижки волос в кишлаках Гезан, Дар-Даре называется *муйсаргирон*, в Рашне, Магияне — *кокултарошон*.

Первую срезанную прядь волос младенца мать обычно сохраняла; в Матче, как сообщает А. Л. Троицкая, ее зашивали в тумар и вешали на плечо детского халатика или закапывали под плодовым деревом (см. с. 132). При первой стрижке у девочек оставляют немного волос на затылке, а у мальчиков — на висках. Прежде оставленные пряди волос (или одна из косичек) посвящались мазару. Обычно так стригли детей, которых долгие годы ждали в семье, либо часто болеющих. Иногда родители срезали *нарз* — косичку, предназначавшуюся мазару, и привязывали ее к арче или другому дереву, поближе к мазару. Верили, что это обеспечит ребенку здоровье. В прошлом бывало, что косички *нарзи* носили юноши до женитьбы, а девушки до замужества или рождения первого ребенка. Отрезали их в момент закалывания обещанного мазару барана.

Сейчас во многих семьях обряд муйсаргирон отмечается как день рождения ребенка, когда ему исполняется год. А. Л. Троицкая писала, что в Фальгаре в этот день мальчика «сажали на барана, а затем на лошадь с пожеланиями ему богатства» (с. 132). Нами эта деталь обряда не зафиксирована.

Когда ребенок научится ходить, ему подстригают ногти. В кишлаках Фароб, Махшевад, Искодар и Магиян для этого приглашают почтенного старика, пекут лепешки и приготавливают плов. После угощения старик кладет руку ребенка на лепешку и стрижет ногти, приговаривая: «Доживи до моего возраста, состарься и живи в изобилии». Срезанные ногти выбрасывают в речку, чтобы жизнь ребенка текла так, как вода в реке. А. Л. Троицкая приводит данные по Искандеровской волости, где остриженные ногти ребенка, завернутые в тряпочку, закапывали на берегу реки (с. 132).

Приобщение детей к труду (дасбандон). Когда девочка с матерью первый раз выходит на сбивание масла (*дугкаши*), одна из женщин привязывает ее своим платком к маслобойке (*чахдег*); когда девочка впервые подметает двор, ее привязывают к венику, при этом соседка бежит к матери (или бабушке) и говорит: «Поздравляем тебя, дочь у тебя стала помощницей, говори, чем ты нас будешь угощать». И пока та не пообещает угостить каким-то блюдом, они не отпускают девочку. Мать приготавливает обещанную пищу. Обычно это *фатирмаска* (кусочки пресной лепешки в растопленном масле) или *оши бурида* (суп-лапша), лепешки. Поев, женщины читали молитву *фотиҳа*, чтобы ребенок вырос здоровым и трудолюбивым.

Первое свое рукоделие — вышитую тюбетейку, связанные носки, тесемку *цияк* — девочка дарит хорошей и здоровой мастерице, иногда почитаемой старушке, чтобы стать такой же мастерицей и дожить до ее возраста.

Вообще, если ребенок (и мальчик, и девочка) брался первый раз за какое-нибудь дело, всегда выполнялся обряд дасбандон, основная цель которого заключалась в приобщении детей к труду.

Сравнение материалов 1926—1927 гг., собранных А. Л. Троицкой, и материалов, собранных нами в 1959—1961 гг., показывает, что обычаи и обряды детского цикла у таджиков Верхнего Зеравшана претерпели существенные изменения. Одни из них исчезли, другие трансформировались, появились и некоторые новые. Так, в сельских семьях еще сохраняется обряд укладывания в колыбель, однако присущая ему ранее религиозность теперь забыта. Он нередко приурочивается ко дню рождения ребенка, на который приходят родственники и друзья с подарками — купленными в магазине кроватками, колясками, детскими игрушками. Обряды, которыми прежде обязательно отмечались появление первых зубов, первые шаги ребенка, первая стрижка ногтей, волос, приобщение детей к труду, также утратили присущий им в прошлом магический смысл. По форме все эти обряды традиционны, при их исполнении по-прежнему произносятся традиционные формулы пожелания ребенку долголетия, здоровья и счастливой жизни, по существу же они являются всего лишь поводом для устройства веселого застолья, встречи родственников, друзей и знакомых.

В наше время получили широкое распространение и новые обряды, связанные с первыми годами жизни ребенка: торжественная регистрация новорожденного, празднование дня рождения, празднование начала первого учебного года и др.

Э. Ю. Джавадова, Г. Д. Джавадов

**НАРОДНЫЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ
И МЕТЕОРОЛОГИЯ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ
В XIX — НАЧАЛЕ XX В. ***

Земледельческий календарь и связанная с ним система народной метеорологии — область народного быта, этнографически наименее исследованная¹. В полной мере сказанное относится и к Кавказу², в частности к Азербайджану³. Между тем изучение этих проблем весьма существенно, так как дает возможность представить большой и важный пласт народной культуры, проследить и охарактеризовать многовековой хозяйственный опыт народа.

Настоящая статья, основанная преимущественно на полевых материалах, собиравшихся авторами в течение многих лет в различных историко-культурных зонах Азербайджана, — первая попытка характеристики народного земледельческого календаря и метеорологии азербайджанцев. Используются также довольно редкие в дореволюционной кавказоведческой литературе свидетельства бытописателей XIX — на-

* В основу статьи положен доклад авторов, прочитанный на Всесоюзной сессии, посвященной итогам полевых этнографических исследований 1980—1981 гг.

¹ Из весьма немногочисленных работ на эту тему следует назвать: Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. М.: Наука (Зимние праздники — 1973; Весенние праздники — 1977; Осенне-летние праздники — 1978); *Пропл В. Я.* Русские аграрные праздники. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963.

² См., напр.: *Трофимова А. Г.* Обряды и празднества лезгин, связанные с народным календарем. — Сов. этнография, 1961, № 1; *Гаджиева С. Ш., Трофимова А. Г., Шихсаидов А. Р.* Старинный земледельческий календарь народов Дагестана. — VII Межд. Конгресс антропологических и этнографических наук [Доклады советской делегации]. М.: Наука, 1964; *Чибарова Л. А.* Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали: Ирystone, 1976.

³ Некоторые сведения о народном календаре содержит работа: *Дадашзаде М. А.* О двух народных праздниках. Баку: Элм, 1970 (на азерб. яз.).